

Ермилов В.

Чехов А. П. – М.: Советский писатель, 1954. – С. 308-310

«Учитель словесности»

Тема убожества, безобразия своекорыстного «счастья» с большой силой прозвучала уже в рассказе «Учитель словесности» (1894).

Молодой преподаватель словесности в провинциальной гимназии Никитин женится на девушке из «хорошей семьи», с солидным приданым.

В первые месяцы семейной жизни чувство счастья переполняет его.

«— Я бесконечно счастлив с тобой, моя радость, — говорил он, перебирая ей пальчики или распуская и опять заплетая ей косу. — Но на это свое счастье я не смотрю, как на нечто такое, что свалилось на меня случайно, точно с неба. Это счастье — явление вполне естественное, последовательное, логически верное. Я верю в то, что человек есть творец своего счастья, и теперь я беру именно то, что я сам создал. Да, говорю без жеманства, это счастье создал я сам, я владею им по праву. Тебе известно мое прошлое. Сиротство, бедность, несчастное детство, тоскливая юность, — все это борьба, это путь, который я прокладывал к счастью...»

Как типичны такие рассуждения для всех «счастливиц» собственнического мира!

Но чеховский герой на то и есть чеховский, что, в отличие, например, от героя Бальзаковской «Человеческой комедии» Растиньяка, преуспевающего в карьере и обогащении, он не может удовлетвориться личным счастьем и благополучием.

Приходит и к Никитину, как и ко всем тем героям Чехова, к которым он относится с уважением, такой день, когда он со стыдом и отвращением, настоящими человеческими глазами взглянул на свою жизнь и увидел всю ее пошлость. Все предстало перед ним в суровом, ясном свете, без розовой пелены.

«...И ему страшно, до тоски... захотелось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвения самого себя, до равнодушия к личному счастью, ощущения которого так однообразны... Для него уже было ясно, что покой потерян, вероятно, навсегда... Он догадывался, что иллюзия иссякла и уже начиналась новая, нервная, сознательная жизнь, которая не в ладу с покоем и личным счастьем».

Сознательная, честная жизнь несовместима с личным счастьем! «Счастья нет, и не должно его быть». «Счастье и радость жизни не в деньгах и не в любви, а в правде. Если хочешь животного счастья, то жизнь, все равно, не даст тебе опьянеть и быть счастливым, а то и дело будет огораживать тебя ударами» (из записной книжки Чехова).

Герои произведений Чехова делятся на два разряда: одни, подобно Никитину, стремятся вырваться из окружающей их пошлости; другие погружаются в пошлость: таков Ионыч. В обоих рассказах — и в «Учителе словесности», и в «Ионыче» — передана вся сила власти пошлости в тогдашней действительности. Самое лучшее и поэтическое, что было в жизни Ионыча, — его любовь к Котику — оказывается вовсе не поэтическим, потому что сама Котик недалеко ушла от пошлости ее семьи, ее среды. В рассказе дан процесс опустошения, опошления человека, превращающегося в накопителя, приобретателя, в типичного представителя подавляющего большинства тогдашней интеллигенции.

В статье, посвященной повести «В овраге», Горький с мудрым проникновением в «тайное тайных» чеховского творчества сказал, что Чехов, «как никто», «в ослепительно ясной форме» раскрывает в своих произведениях противоречие между стремлением человека быть лучше и стремлением лучше жить. В эксплуататорском обществе эти человеческие стремления несовместимы. Жить лучше там можно только за счет других. И поэтому лучше всех там живет тому, кто хуже всех, кто наиболее бесчеловечен.

Мечта Чехова — это мечта о таком устройстве жизни, когда будет уничтожено это извечное угнетающее противоречие, когда естественные стремления человека сольются в одно целое, когда лучше будет жить тот, кто хочет быть лучше! А пока этого нет, счастье возможно только в стремлении к справедливому будущему, только в тяжелом труде во имя этого будущего. Всякое иное счастье безнравственно, уродливо, ощущения его оскорбительно однообразны, нищенски жалки.

Эти ясные выводы, к которым пришел Чехов, были связаны со все возраставшим у него чувством ответственности перед народом.

ЦГТБ имени А. П. Чехова